

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

КОЛОКОЛЬЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

КОЛОКОЛЬЧИК

Стихи

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1974

P2
B17

Оформление А. Цветкова

Ваншенкин К. Я.

В17 Колокольчик. Стихи. Оформление А. Цветкова.
М., «Дет. лит.», 1974.

96 с. с ил.

Стихи разных лет известного советского поэта К. Ваншенкина.

В $\frac{70803-070}{M101(03)74}$ 271—74

P2

© Состав.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

М А Л Ь Ч И Ш К А

Инне

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот как мячик прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровождение преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил,—
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

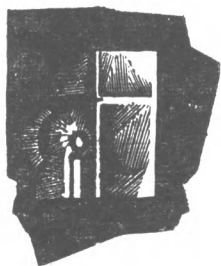
Сейчас мелькнут разбросанные книжки —
Не зря ж его боялся, как огня...
И вдруг она сказала: — Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

* * *

Я прошел от самого вокзала
До того знакомого окна,
Где меня когда-то ожидала
Школьница примерная одна.

И сегодня, как в былую пору,
Сквозь окошко льется ровный свет.
Только вот к дощатому забору
Чей-то прислонен велосипед.

Полоса медлительного света
Серебрит смородиновый лист.
Может, он хороший парень, этот
Неизвестный велосипедист.

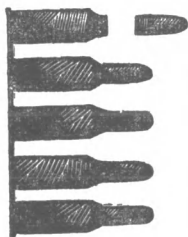
На широкой улице, быть может,
Я его когда-нибудь встречал.
Но, наверно, он меня моложе:
Раньше я его не замечал.

И теперь, все это понимая,
Я в тени под кленами стою.
Спиц велосипедных не ломаю
И окошек девичьих не бью.

Что же тут особого такого?
Просто вспомню прежние года,
Покурю у клуба заводского,
Посижу тихонько у пруда.

А пойду на станцию обратно —
Обойду то место стороной:
Может, парню будет неприятно
Встретиться нечаянно со мной.

1951

* * *

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года...
Мой друг мне крикнул: — Есть махорка?.. —
А я ему: — Иди сюда!..

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва... —

От ветра заслоняясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

1952

МЛАДШИЙ БРАТ

На зорьке юности туманной
Как я ее боготворил!
Фонарик новенький карманный
Ее братишке подарил.

Но был подарок неудачен —
Он брата слишком восхищал
И нас в саду за тихой дачей
Порой некстати освещал.

Стояла там, в саду, скамейка.
И всей душою был я рад,
Когда сгорела батарейка
И в темноте остался брат.

По всей смешной его фигуре
Глазами грустными скользя,
Сказал я, брови скорбно хмуря,
Что тут помочь уже нельзя.

И он поверил, чуть не плача,
И отошел, судьбу кляня.
Но эта легкая удача
Смутила несколько меня.

Держался в горе он как надо,
И я, признаться, был бы рад,
Чтоб стал со мной запанибрата
Ее потешный младший брат.

Облокотившись на перила,
Мы б говорили про нее...
Но у него в то время было
Мировоззрение свое.

Свои мечты, друзья-мальчишки,
Азарт мальчишеской игры
И дела не было братишке
До смутных чувств его сестры

А чувства вправду были смутны,—
Под вечер, сидя у окна,
Наверно, их в тоске минутной
Себе придумала она.

И часто я, простившись с нею,
Тревожно думал до утра,
Что брат характером цельнее
И откровенней, чем сестра.

Грустнее было с каждым разом
Мне на свиданиях... И я
Ему отчасти был обязан
Тем, что прошла любовь моя.

...О, как бы мне теперь хотелось
С ним встретиться, поговорить
И что-нибудь, хотя бы мелочь,
Ему на память подарить!

1953

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Зимних сумерек тонкие краски
Удивительно дороги мне.
Сколько доброй, застенчивой ласки
В осветившемся первом окне!

Сколько легкой и радостной грусти,
Так и рвущейся из берегов,
В тишине и в медлительном хрусте
Раздающихся где-то шагов!

Нет мороза сегодня в помине,
Ожидается скоро теплынь,
И торчит на бескрайней равнине
Из-под снега сухая полынь.

И приходят хорошие мысли,
И мечты у тебя широки...
В небе первые звезды повисли,
В окнах тоже горят огоньки.

Постепенно все больше темнеет,
Лишь вдали, где на взгорке село,
Так полоска зари пламенеет,
Словно там еще день и светло...

1954

ПЕРЕД ГРОВОЙ

Предельно четки ощущения.
Покоя в сердце больше нет.
Предгрозовое освещение,
Где воедино мрак и свет.

Оно бывает очень спорным,—
Порой глядишь и видишь вдруг,
Как то оранжевым, то черным
Все заливается вокруг,

То сизым, то червонно-красным...
Притихли, замерли дома.
Минута эта так прекрасна —
Пред ней ничто гроза сама.

1954

РАННИЙ ЧАС

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад.
Росинки падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморось,
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выпалась
И только ленится вставать.

1954

* * *

К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая виду
И даже улыбаясь иногда?

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они — как злой блуждающий осколок:
Болит внутри, а где — не разберешь.

Вот почему я их сметаю на пол,
Пускай не все, но бóльшую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть.

1954

* * *

Едва вернулся я домой,
Как мне сейчас же рассказали
О том, что друг любимый мой
Убит на горном перевале.

Я вспомнил длинный ряд могил
(Удел солдат неодинаков!),
Сказал: — Хороший парень был,—
При этом даже не заплакав.

И, видно, кто-то посчитал,
Что у меня на сердце холод
И что я слишком взрослым стал...
Нет, просто был я слишком молод.

1955

* * *

Жили рядом и вместе учились,
И была наша дружба верна.
Но едва только мы разлучились,
Как сейчас же распалась она.

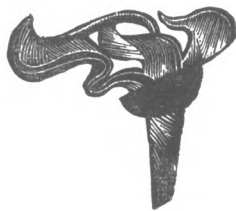
Не поможет любая уловка,
Если к прошлому нет ничего.
Даже видеться стало неловко,
Словно мы обманули кого.

Впрочем, все-таки нам не по силам,
Поздоровавшись, мимо пройти.
Тяготясь разговором унылым,
Мы стоим, повстречавшись в пути.

Может, мы очерствели? Едва ли.
Может, нас захлестнули дела?
Нет! Мы дружбой не то называли,
Видно, это не дружба была.

Не случилось ни ссоры, ни распри,
Никакой перемены прямой.
Чем мы были близки? Да вот разве...
По дороге нам было домой.

1955

ПОТОМКУ

Где ты, друг? За какою горою?
Что там — будни у вас? Торжество?
Чем ты занят той славной порою?
Что читаешь и любишь кого?

За далекой неведомой зоной,
В мягком зареве ламп голубых
Что ты думаешь ночью бессонной,
Например, о потомках своих?

Что ты видишь, по жизни шагая,
В ярком свете тогдашнего дня?
Я тебя совершенно не знаю,
Ты-то знаешь, ты помнишь меня?

Что тебе из минувшего ближе?
Что ты знаешь про наше житье?
Я тебя никогда не увижу...

Как мне дорого мнение твое!

1955

НЕМОЕ КИНО

Мы без разбору, летом и зимою,
Дотошными мальчишками, давно,
Смотрели отходящее, немое
И все-таки прекрасное кино.

Летит возок. Мелькают грязи комья.
И королевы шлейфами пылят.
Пожалуй, детских фильмов я не помню,
За исключением «Красных дьяволят».

Нам все тогда показывали кряду,
Один сеанс нам выкроив с утра.
Идет отряд. Но подлую засаду
Устроили рабочим юнкера.

Погибнут наши! Выдержат едва ли!
Подмога мчится в бешеном дыму.
Мы надписи читать не успевали,
Мы сердцем понимали, что к чему.

Мы восхищались питерцем бывалым,
Мы закипали яростью: «Буржуй!»
Мы, издеваясь, чмокали всем залом,
Когда был на экране поцелуй.

На нас, сидящих в полутемном зале,
Катилась черно-белая земля,
Но мы иначе мир воспринимали,—
На красное и белое деля.

1956

* * *

Я был суров, я все сгущал
И в дни поры своей весенней
Чужих ошибок не прощал
И не терпел сторонних мнений.

Как раздражался я порой,
Как в нелюбви не знал покоя!
Сказать по совести, со мной
Еще случается такое.

Но, сохраняя с прошлым связь,
Теперь живу я много проще:
К другим терпимей становясь,
К себе — взыскательней и жестче.

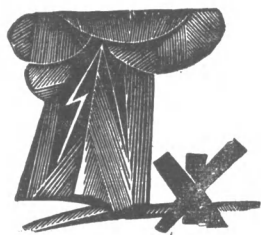
1956

* * *

Мой милый друг, вполне могу ручаться,
Что у тебя довольное житье:
Ты мудро научился восхищаться
Лишь тем, что хуже, нежели твое.

И ты живешь в спокойствии лукавом,
Своим друзьям в глаза пуская дым,
Всех обманув таким приятным нравом
И шумным равнодушием своим.

1956

* * *

В чужом краю, по выцветшей равнине,
Пересеченной множеством колес,
Шурша в кустах, скользя в тяжелой глине,
В сырой ночи солдат солдата нес.

Была равнина меряна столбами,
Расчерчена квадратами огня.
Чуть шевеля распухшими губами,
Шептал солдат: — Товарищ, брось меня!..

И то была не лихость, и не смелость,
И не тоска глядящего во тьму.
Нет-нет, солдату вовсе не хотелось
В ночных полях остаться одному.

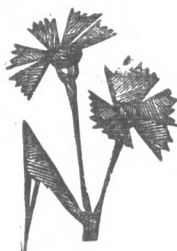
То было нами впитанное с детства,
Еще с гражданской памятной войны,
Оставленное братьями наследство,
Традиция, которой мы верны.

То было выше жизни и покоя.
Вот почему в неведомой ночи
Второй хрипел не что-нибудь другое,
А лишь одно короткое: — Молчи!

Он нес его, не думая о плене,
В безмолвии нейтральной полосы.
Разбиты локти, содраны колени,
А на руке — ненужные часы.

Стекло часов, раздробленное мелко,
Отсвечивало искрой голубой.
Минутная погнувшаяся стрелка
Тащила часовую за собой...

1956

* * *

Я в юности с девчонкою гулял,
Бесхитростной, румяной и смешливой.
И помню — что бы ей ни рассказал,
Она сейчас же делалась счастливой.

О чем бы речь, бывало, ни зашла,
Она смотрела радостно-тревожно:
Она предлога малого ждала,
Чтоб вволю посмеяться было можно.

Мы над рекою с некоторых пор
Бродили с нею чуть не до рассвета,
И я бросал серьезный разговор,
И как она ценить умела это!

Довольно было сущей ерунды,
Пустячного оброненного слова,
И над сияньем медленной воды
Ответный смех раскатывался снова.

Мы к дому шли. Спокойно спал квартал...
Девчонке было весело со мною
До той поры, пока я не устал
Все время ей рассказывать смешное.

1956

Б У К Е Т

Я шел к тебе с таким букетом,
Его подняв над миром ввысь,
Что молодые пчелы следом
Ошеломленные вились.

Ступая тапочками звонко,
Зажав замурзанный платок,
Шла незнакомая девчонка
И ныла: — Дядя, дай цветок!..

И на глаза довольной паре
Потом попался мой букет.
— Простите, где вы покупали?
Какая прелесть этот цвет!..

Спросила встречная старуха:
— Им георгины не родня?.. —
И чей-то вздох коснулся слуха:
— А ведь и ты любил меня...

1956

П Р И Е З Д

Что поделаешь тут?
Я торчал у ворот полчаса,
Я забыл, как зовут
Бесподобного этого пса.

Мне пройти бы скорей!
Но, тяжелою цепью звеня,
Он возник у дверей
И с вниманьем смотрел на меня.

Он хвостом не вертел,
Преднамеренно радость тая.
Он был прав,— он хотел,
Чтобы первым здоровался я.

В землю лапами врос
И стоял у меня на пути.
— Понимаешь ли, пес,
Я забыл твое имя, прости.

В суматохе людской
Позабудешь порой не о том.
Зря ты смотришь с тоской,
Ты не думай, я вспомню потом.

Все как прежде, поверь,
Посмотри мне с любовью в лицо...
...Резко скрипнула дверь,
Ты шагнула стремглав на крыльцо.

И отпрянула тишь.
Ты сбежала, прижалась к груди.
— Ну, чего ты стоишь?
Как доехал? Скорее входи!..

...Полыхала заря.
Пес беспечно застыл в стороне,
Видом всем говоря,
Что жестоко ошибся во мне.

ВЕСНОЙ

Первый ливень над городом лупит,
Тарахтит в водосточной трубе.
«Ах, никто меня в мире не любит»,—
Врет девчонка самой же себе.

Брызги тучей стоят над панелью.
А девчонка в квартире одна,—
Врет от радости и от веселья
У раскрытого настежь окна.

Дождь с размаху по улицам рубит,
По троллейбусным крышам стучит.
«Ах, никто меня в жизни не любит!» —
Звонко голос счастливый звучит...

1956

* * *

Под взглядом многих скорбных глаз,
Усталый, ветром опаленный,
Я шел как будто напоказ
По деревушке отдаленной.

Я на плечах своих волок
Противогаз, винтовку, скатку.
При каждом шаге котелок
Надсадно бился о лопатку.

Я шел у мира на виду —
Мир ждал в молчанье напряженном:
Куда сверну? К кому зайду?
Что сообщу солдатским женам?

Пусть на рассвете я продрог,
Ночуя где-нибудь в кювете,
Что из того! Я был пророк,
Который может все на свете.

Я знал доподлинно почти,
Кто цел еще, а с кем иное.
И незнакомые в пути
Уже здоровались со мною.

А возле крайнего плетня,
Где полевых дорог начало,
Там тоже, глядя на меня,
В тревоге женщина стояла.

К ней обратился на ходу
По-деловому, торопливо:
— Так на Егоркино пройду?
— Пройдете, — вздрогнула. — Счастливо.

Поспешно поблагодарил,
Пустился — сроки торопили...
— Ну что? Ну что он говорил? —
Ее сейчас же обступили.

1956

* * *

Я вздрогнул: одноногий паренек
Стоял внизу — уверенный и ловкий,
На валенке единственном — конек,
Прикрученный растрепанной веревкой.

В нелепом положении своем
Он выглядел таким невозмутимым.
Свободно оттолкнулся костылем
И покатил, повитый снежным дымом.

Вот он уже мелькает вдалеке,
Вот снова приближается, как вежа,
Летающий на единственном коньке,
Сын нашего отчаянного века.

И он, и все товарищи его,
Скользят навстречу или следом,
Привыкли и не видят ничего
Геройского, особенного в этом.

Звенит конек, потом костыль стучит
И, как весло, мелькает над рекою.
Я проходил. Я тоже сделал вид,
Что каждый день встречается такое.

1957

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я приобрел у букинистов
Книжонку пухлую одну,
Где океана рев неистов
И корабли идут ко дну.

Она была грязна, потерта,—
Обыкновенное старье,
Но ей цепа была пятерка,
И я в дорогу взял ее.

В ней было все: любви рождение,
Добра над мраком торжество
И о простуде рассужденья,—
Но как написано мертво!

В тягучей этой веренице
(Проливы, шпаги, парики)
На сто семнадцатой странице
Я встретил надпись от руки.

И в ней была такая сила,
Что сердце дрогнуло слегка.
«Я вас люблю!» — она гласила,
Та рукописная строка.

Я замер — вы меня поймете,—
Перевернул страницу враз
И увидел на обороте:
«Я тоже полюбила вас»...

И предо мною словно вспышка —
Тенистый сад, речонки гладь.
Она: — Простите, что за книжка? —
Он: — Завтра дам вам почитать...

...Я ехал в ночь. Луна вставала.
Я долго чай дорожный пил
И не досадовал нимало,
Что книжку глупую купил.

И, как в магическом кристалле,
Мне сквозь огни и времена —
«Я вас люблю!» — в ночи блистали
Торжественные письма.

СЛЕЗЫ

В поселке пригородном слякоть,
За перелеском стук колес...
Давно я разучился плакать,
Не помню, вкус какой у слез.

Лишь иногда порой ночью,
Не потревожив тишину,
Над чьей-то сладкою строкою
Слезинку выдавишь одну.

Умели прежде умиленно
Всплакнуть у друга на плече.
Но каждый век — свои законы,
И мы живем в другом ключе.

Какие дни, какие грозы!
Цветут цветы по страшным рвам...
О, человеческие слезы,
Мы понимаем цену вам!

Вам, молодым, первоначальным,
И вам, ползущим средь морщин,
Вам, и счастливым и печальным,
И вам, что просто без причин,

Слезам фальшивым и лукавым,
Что ни горьки, ни солоны,
Слезам открытым, величавым
И тем, что вовсе не видны.

1957

РАБОЧИЙ

Тряся коротким чубом темно-русом
И глядя вниз из-под тяжелых век,
Он моется медлительно, со вкусом,
Как истинно рабочий человек.

Он моется, с ладоней грязь сдирая,
Сначала пена мыльная черна,
Но вот вскипает серая — вторая,
И третья пена — радужна она.

Из медного, чуть с прозеленью крана
В ладони бьет крученная струя.
Он хочет есть. Он встал сегодня рано,
Когда еще спала его семья.

Зря не глядит хозяйшка на стрелки.
Он в дом — и час обеденный пришел.
Цветастые глубокие тарелки
Немедленно поставлены на стол.

Густые щи, под ложкой убывая,
В фарфоровых теснятся берегах.
И табуретка стонет, как живая,
Под ним на четырех своих ногах.

Неторопливо вытерший ладони,
Уставший у станков или горнил,
Он молча ест в своем прохладном доме,
Где на клеенке пятна от чернил.

Взгляни на эти руки и пойми ты:
Я с детства о таких руках мечтал.
Хоть вымыты они, да не отмыты,—
Синеет в кожу въевшийся металл.

Жестки, спокойны и широкопалы
Те руки настоящего труда,
Что варят сталь, кладут в пустыне шпалы
И сквозь бураны водят поезда,

Что поднимают стены в год разрухи
И счет теряют новым корпусам,
Что жмут такие ж дружеские руки
И гладят малышей по волосам.

О Г О Н Ъ

Мать все мечтала о березе,
И привезли березу нам.
Ее колот я на морозе,
Как дашь — полено пополам.

Познал я гордость человечью,
Войдя в особые права:
На лист железный перед печью
Я грохнул мерзлые дрова.

Они еще тайгою жили,
На них налип еще снежок,
Но их колодцем уложили,
И твердо спичку я зажег.

Огонь пошел, пошел по щепкам,
Потом почти пропал, и вдруг
Схватил дрова объятьем цепким
Своих проворных жарких рук.

Дрова отплевывались грозно,
Огонь отшвыривая прочь,
Шипя и злясь. Но было поздно —
Они погибли в эту ночь.

Они багровым углем стали,
Потом подернулись золой.
А сам огонь в печи растаял,
Согрел людей — и с глаз долой.

И в нашем доме стало жарко,
Видать, до будущего дня...
А мне впервые было жалко
Не дров сгоревших, а огня.

Я слушал, как, волков пугая,
В тайге постреливал мороз.
«Пройдет зима, потом другая...» —
Впервые думал я всерьез.

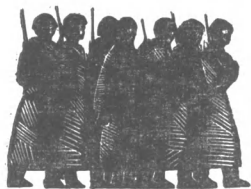
1958

Г Л А З А

Я в них смотрю, как в чистые озера,
Где крохотные камешки на дне,
Где водорослей тонкие узоры,
Где сам я отражаюсь в глубине.

Они играют бликами живыми,
Мне радость и уверенность даря.
И, отступая, меркнут перед ними
Все в мире океаны и моря.

1958

П Р О В О Д Ы

Нас в армию девчата провожали,
С которыми до памятной зимы
Делили мы и радость и печали,
С которыми учились вместе мы.

Я вижу их шубейки и гребенки,
И странную растерянность их глаз.
Они стояли — все еще девчонки,
Но было им по-бабьи жалко нас.

В какой-то миг особым женским взором
Они сквозь дым увидели поля,
По длинным госпитальным коридорам
Унылое мельканье костыля.

Им виделись шершавые шинели,
Костры, потери нашего полка.
А может быть, себя они жалели,
Не сознавая этого пока.

1958

В П Е Р В Ы Е

С закадычной подружкой в паре
Танцевала свободней она,
А сейчас, когда вел ее парень,
Чуть в движеньях была стеснена.

Посредине веселого роя
В толчее они были одни.
На других натыкаясь порою,
Словно вдруг пробуждались они.

Люди смотрят — обоим казалось.
У него над губою пушок.
Даже бритва еще не касалась
Этих чистых мальчишеских щек.

Над кипеньем районного сада
Осень пышных не тронула куп,
Как еще не коснулась помада
Этих пухлых девических губ.

1958

У ТОЧИЛЬНОГО КРУГА

Лес снегом засыпан. Дыхания дым.
У круга точильного ночью стоим.

Я ручку верчу, тешу силу свою,
Как будто тяну из колодца бадью.

Точило, вращаясь, идет тяжело.
Горят топоры под луной, как стекло.

А искры блестят, точно брызги летят.
Ах, сколько же дней это было назад!

Ах, сколько же зим отшумело с тех пор.
Как перед работой точил я топор.

Точил — говорил: — Ты, браток, не шути,
Точило, дружок, веселее крути,

Чтоб по лесу вновь зазвучали щелчки,
Когда топором обрубают сучки,

Чтоб был мой топор, будто бритва, остер,
Чтоб камень зазубрины с лезвия стер!..

Стоял я тогда у начала начал,
И палец из варежки драной торчал.

Вращаясь, точило тяжелое шло,
И лишь от луны да от снега светло.

— Крути веселей! — Прибаутки и смех.
А с сосен медлительно падает снег.

И рвется тревожно в морозную даль
Звук резкий: то камня касается сталь.

1958

Ж А С М И Н

Укрывшийся шинелью длинной,
На девятнадцатом году,
Я задыхался от жасмина
В глухом разросшемся саду.

Навис над нами пышной тучей
И небо звездное затмил
Ошеломляюще-пахучий,
Забытый армией жасмин.

Несовместимыми казались
Фигуры темные солдат
И эта лопнувшая завязь,
Собой заполнившая сад.

И на заросшем белом склоне,
В обозе, где-то не вдали,
Тонули средь жасмина кони,
Чихая, гривами трясли.

Земли разбуженная сила
В который раз цвела опять,
Но только некому нам было
В ту ночь жасмину наломать.

Над полусонным нашим строем
Потом кружились лепестки,
Они ложились ровным слоем
В стволы орудий, в котелки.

Плыл надо мной жасмина ворох,
И я жасмином весь пропах.
Он был сильнее, чем дымный порох,
Чем пот солдатский и табак...

1958

КУКУШКА

Отважный мальчишка, исполненный сил,
Услышал кукушку и громко спросил:

— Кукушка-кукушка, а сколько мне лет?.. —
Двенадцать «ку-ку» прозвучало в ответ.

Довольный ответом, он лег на траву.
— А сколько на свете еще проживу?..

Молчала кукушка на первых порах,
И он, озираясь, почувствовал страх.

Вновь стала кукушка ему куковать,
Он сбился со счета и начал опять.

Валялся, смеясь над приметой былой.
Тянуло от сосен нагретой смолой.

И плыл над землей нескончаемый день,
И было, как в школе, считать ему лень.

1959

С В И Д А Н И Е

Где плывут облачка живые,
Где ромашковый бьется вал,
Парень в жизни своей впервые
Робко девушку целовал.

Обронила в траву заколку,
Поискала и не нашла,
Ухватила коня за холку,
Улыбнулась уже с седла.

— Не спеши! Погоди немного!.. —
Молча глянула на него
Покровительственно и строго,
Будто не было ничего.

В синем море дневного света,
Что до боли глаза слепит,
За холмами растаял где-то
Убывающий стук копыт...

1959

НА ТАНЦАХ

Уверенна, спокойна, величава.
Я не видал прекрасней и стройней.
Мы были с ней ровесники, но, право,
Я выглядел мальчишкой рядом с ней.

По своему особому порядку
Я действовал соперникам назло
И миновать старался танцплощадку,
Куда мою избранницу влекло.

Но не всегда мне это удавалось,
И я, вцепившись в крашеный барьер,
Следил, как в гуще танца удалялась
Она. А с ней курносый кавалер.

И так ее мне видеть было больно,
Кружащуюся с кем-нибудь вдвоем,
Что пережитки прошлого невольно
В сознание проявлялись моим.

И я смотрел сурово и ревниво,
Горя в тревожном мстительном огне,
Пока легко и чуточку лениво
Она не подходила и ко мне.

Тут марш взлетал под лиственные своды,
И шла она, сияющая вся,
А я шагал, на будущие годы
Предубежденье к танцам унося.

...Поверь, мне до сих пор это мешает,
Я словно бы испытываю гнет.
Когда тебя на танец приглашают,
Нет-нет, а что-то в сердце да кольнет...

А девушка давно меня забыла,
Да ей меня и помнить ни к чему.
Ведь сколько лет тогда нам вместе было,
Мне столько же сегодня одному.

1959

СОЛОВЬИНЫЙ КОРИДОР

Цвела черемуха в ту пору
От корабля в пяти шагах.
Шло судно как по коридору
В цветущих узких берегах.

А соловьев шальная сила
Мир заполняла до краев,
Их даже слишком много было,
Аж стон висел от соловьев.

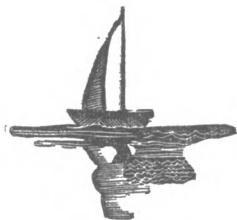
Над речкою, как покрывало,
Не торопясь, копился пар.
На разных палубах стояло
Десятка два недвижимых пар.

А соловьи всё пели, пели,
Перекликались соловьи.
И люди вслушивались в трели
И в чувства светлые свои.

Назавтра музыка в салоне
Всех разбудила в поздний час.
Пестрели домики на склоне,
Раздолья радовали глаз.

Степные открывались дали,
Мы выходили на простор
И чуть смущенно вспоминали
Тот соловьиный коридор.

1960

* * *

Есть сладкая радость —
Не зная куда,
Со станций ночных
Провожать поезда.

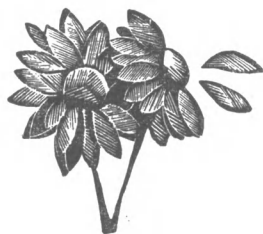
Есть сладкое счастье —
От края земли
В щемящий простор
Провожать корабли.

Нет близких в вагонном окне —
Не беда.
Мы просто пришли
Провожать поезда.

Не друг, не жена
Там — на судне, вдали.
Мы просто пришли
Провожать корабли.

Мы просто лелеем
Уверенность в том,
Что скоро и мы
Полетим, поплывем...

1960

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мир отрочества угловатого.
Полгода с лишним до войны.
Два наших парня из девятого
В девчонку были влюблены.

Любовь бывает не у всякого,
Но первая любовь — у всех.
И оба парня одинаково
Рассчитывали на успех.

Но тут запели трубы грозные,
Звяя сынов родной земли.
И встали мальчишки серьезные,
И в первый бой они ушли.

Она ждала их, красна девица,
Ждала двоих, не одного.
А каждый верил и надеялся,
А каждый думал, что его.

И каждый ждал: душой согреть его
Уже готовится она.
Но вышла девушка за третьего,
Едва окончилась война.

Косицы светлые острижены,
И от бывшего — ни следа...
Ах, если бы ребята выжили,
Все б это было не беда.

1960

ВЕСЕННЯЯ ПРИРОДА

О, первые весенние мазки,
Природы ученическая робость!
Разрозненные пробные листки,—
От пышных рощ их отделяет пропасть.

Удаче каждой радуется глаз.
Зацвел орешник — нет его дороже.
Казалось бы, уже в который раз,
И всякий год почти одно и то же.

Наверное, есть навык, мастерство,—
В который раз кроит она и лепит.
Но мысль: «А вдруг не выйдет ничего?» —
В который раз ее ввергает в трепет.

1960

НОВЫЕ ДОРОГИ

Нам незнакомая дорога,
Где внове каждый бугорок,
Длиннее кажется намного
Уже исхоженных дорог.

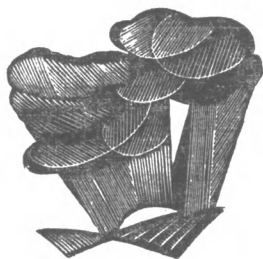
Там — что! Отметив перемены,
Что на пути произошли,
Идем, спокойны и степенны,
А мысли где-нибудь вдали.

А тут все держит в напряженье,
Мы и не ведаем, что тут
Не машинальное движенье,
А для души особый труд.

Дорог нелегкая отрада,
Что нам подарена опять...
Здесь столько нам заметить надо,
Сравнить, запомнить и понять.

Здесь устают не только ноги,
И за один короткий час
Как эти новые дороги
Порой выматывают нас!

1961

ЗАКАТ

Какой закат горит — в полнеба!
Как нам оказанная честь.
Его хватить могло вполне бы
На пять закатов и на шесть.

Меня влечет смешенье красок,—
Край неба яростно-багров,
Как будто там идет подпасок
Со стадом огненных коров.

А в высоте, над головою,
Мне зелень чистая видна:
Там переходит голубое
В лимонно-желтые тона.

Горит, расплавленный как в тигле,
Закат. Густы его костры...
...Мы в жизни многое постигли,
Мы вторглись в дальние миры.

Но что бы нас ни занимало,
Какие б ни были мечты,
А нам все мало, мало, мало
Земной нехитрой красоты.

Нас не покинет чувство это,
Что б с нами в жизни ни стряслось,
Пока живет моя планета,
Пока скрипит земная ось.

1961

* * *

Ниспровергают незаслуженно
Порой талант. И он молчит.
Зато посредственность натуженно
Сама взбирается на щит.

Пускай потешится. Пожалуйста.
Ведь совесть Времени чиста.
Оно бесстрастно и безжалостно
Все ставит на свои места.

Забыто все пустопорожнее,
Всему достойному — хвала,
И возвеличиванье ложное
Страшней, чем ложная хула!

1961

БОКСЕР

Я новичок, партнер удобный тот,
Которого на легкой тренировке
Боксер известный равнодушно бьет,
Швыряя на канаты, для сноровки.

Ты бьешь меня безжалостно, судьба,
Спокойная и сильная такая,
Пот не давая мне смахнуть со лба
И из угла меня не выпуская.

Но с каждым днем я крепну и расту,
Я только с виду немощен и кроток,
И я лелею сладкую мечту —
Сбить с ног тебя ударом в подбородок.

И я кружу, усмешку затая,
Тебе в ответ готовлю свой подарок.
А голова мотается моя
От этих сокрушительных ударов.

1961

* * *

Было что-то и общее в нашей судьбе —
Мы дружили, к фальшивому люты...
...Он часами умел говорить о себе,
Слушать он не умел ни минуты.

Как я знал всю историю жизни его!
И любовь, и военные были.
Он, по сути, не знал обо мне ничего,
Хоть давно мы приятели были.

Он часами с конька своего не слезал,
И, устав от такого порядка,
Все, что знал я о *нем*, я *ему* и сказал,
Изложив по возможности кратко.

Он обиделся. Что же! А я, уходя,
Взгляд его ощущая спиною,
С удовольствием взял свою кепку с гвоздя,
Громко крикнув: — Закройте за мною!

1961

* * *

Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбежку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.

И так вошел он в роль, что наконец
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всем другом естественность ценя,
Приветствую подобное притворство!

1961

Б О Л Ь

Солдат в палате стонет по ночам.
— Нога болит! — зовет он к врачам.—
Когда же это кончится, сестра?.. —
А ногу-то отрезали вчера.

Давно прошла великая война,
Но все равно во мне звучит она.
И сердце сохраняет все равно
Друзей моих, которых нет давно.

1961

ОТСТУПЛЕНИЕ

Кругом равнина... Влево, вправо
Ни кустика, ни деревца,
Лишь неба синяя отрава
И лишь дорога без конца,
Что сплошь воронками изрыта...

Да трое раненых солдат
По черным крыльям «мессершмитта»
Из трехлинеек ввысь палят.

1961

* * *

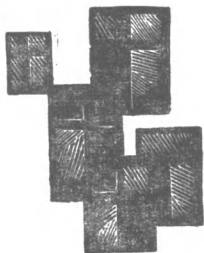
Без разрыва и гула —
Не минувшей войной —
Человека шатнуло,
Как взрывною волной.

Находился при деле,
А раскрыл письмецо,
И глаза потускнели,
Исказилось лицо.

А ведь был он упрямый,
Был уверен в судьбе,
А ведь с юности самой
Жил, внушая себе:

Убивают кого-то —
Нас не могут убить.
Забывают кого-то —
Нас нельзя разлюбить.

1961

О К Н А

Сопровождают окна вас повсюду.
Они, как звезды, незаметны днем,
Но вечером они, подобно чуду,
Внезапным озаряются огнем.

Скользит их свет, пронзая теплый воздух.
Звезда. Звезда. Еще одна звезда.
И на вопрос: «А есть ли жизнь на звездах?»
Я говорю с уверенностью: — Да!

На них свои туманности и пятна,
Их, астроном, попробуй изучи!
Вон та звезда знакома и понятна,
У этой необычные лучи.

Они глядят сквозь спутанные ветки,
Их отражает в лужицах вода.
А выдернули вилку из розетки,
И выключена целая звезда.

И грустно мне, что зыбким полукругом
Лежат во тьме пустынные дворы,
Что поздний час, что гаснут друг за другом
Торжественные звездные миры.

1961

П Р Ы Ж О К

Полосы литой бетон.
От винтов свистящих — вьюга.
Парашют уложен туго,
Аккуратный, как бутон.

Что вы знали на веку,
Вы, что там, внизу, живете,
Если даже в самолете
Вы бывали наверху?

Окунаясь в воздух злой,
Корабля покинув лоно,
Не скользили вы наклонно
Между небом и землей.

Ветра твердая струя
Не швыряла вас для пробы
В неба рыхлые сугробы,—
В них проваливался я!

Что вы знали там, внизу?
Что с дождем идет прохлада
И что прятаться не надо
Под деревьями в грозу.

Не крутил вас этот шквал.
Вряд ли были вам желанны
Неба синие поляны,
По которым я гулял.

Кто б сказать вам это мог,
Если б купол надо мною,
Ярко брызнув белизною,
Не раскрылся, как цветок?

М А Я Т Н И К

Сколько было скомканных,
Брошенных начал,
Между тем как в комнатах
Маятник стучал.

Сколько было маленьких,
Бесполезных дел,
Между тем как маятник
Над землей гудел.

Летний день кончается,
Длинный, словно год.
Маятник качается,
Ходит взад-вперед.

Как качели легкие,
Плавно — раз, два, три...
Ты побольше в легкие
Воздуху вбери.

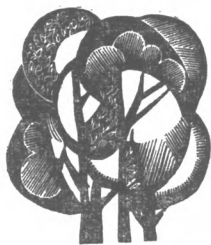
Меркнут под качелями
Домики, трава.
А вверху, над елями,
Плещет синева.

Там светло и ветрено.
Но опять — назад!
Лишь веревки медленно
Трутся и скрипят.

Вверх — и рядом облако.
Вниз — по сердцу дрожь.
Ты же вместо отдыха
Ходу поддаешь.

И средь сада росного
У людей в ушах —
Легкого и грозного
Маятника шаг.

1963

* * *

Весенний лес почти прозрачен,
Он легкий весь и голубой,
И дым листвы его невзрачен —
Пушок над верхнею губой.

Неопытен, неосторожен,
Ветрам открыт со всех сторон,
Еще ни капли не встревожен,
Шутя насвистывает он.

Потом к нему приходит лето,
Он силой медленной набряк,
В счастливых поворотах света,
В листве тяжелой, как в кудрях.

Как эти дни летят стрелою —
Ни огорчений, ни обид, —
Как тянет медом и смолою,
Как от берез в глазах рябит!

Потом октябрь свистит ветрами
Вдоль просек длинных и дорог,
Над поредевшими кудрями
Друзей, стареющих в свой срок.

Осенний лес почти невзрачен,
Блистать собой не норовит,
Ждет снега — резок и прозрачен,
Спокоен, сух и деловит.

1963

* * *

Гудок трикратно ухает вдали,
Отрывистый, чудно касаясь слуха.
Чем нас влекут речные корабли,
В сырой ночи тревожа сердце глухо?

Что́ нам река, ползущая в полях,
Считающая сонно повороты,
Когда на океанских кораблях
Мы познавали грозные широты!

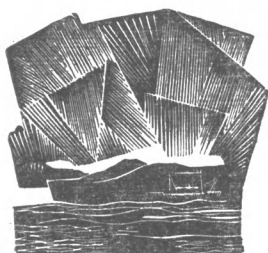
Но почему же в долгой тишине
С глядящей в окна позднею звездою
Так сладко мне и так тревожно мне
При этом гулком звуке над водою?

Чем нас влекут речные корабли?
...Вот снова мы их голос услышали.
Вот как бы посреди самой земли
Они плывут в назначенные дали.

Плывут, степенно слушаясь руля,
А вдоль бортов — ночной воды старанье,
А в стороне — пустынные поля,
Деревьев молчаливые собранья.

Что нас к такой обычности влечет?
Быть может, время, что проходит мимо?
Иль, как в любви, здесь свой особый счет
И это вообще необъяснимо?

1963

СЕВЕРНАЯ НОЧЬ

Как странно летней северною ночью
На палубе у поручней стоять
И наблюдать в безмолвии воочью
Всей этой белой ночи благодать.

Всех этих сил особое стечение,
Когда чудесно, что ни говори,
Мир излучает легкое свечение,
Как будто бы мерцает изнутри.

Стоит начало северного лета,
Сияют воды несколько мертво.
И так неярк сам источник света,
Что вы не замечаете его.

Вы смотрите без усталости, и вроде
Вам радость непонятная дана,
Хотя в холодной северной природе
Преобладают серые тона.

* * *

Сиянье белых северных ночей
Над Белым морем или же над Свирью.
Их ровный свет, как будто бы ничей,
Зеленоватый над холодной ширью.

Знать, что-то им волшебное дано,
Будь это Кемь, Двина или Онега.
...Я знаю ночи белые давно.
Те ночи были белыми от снега.

Улегся ветер, но мороз не стих.
И рота у разбитого вокзала.
В ботинках и в обмоточках своих
Той зимней белой ночью замерзала.

А ночь была действительно бела.
Нам километров за десять и боле
Видна деревня черная была,
Затерянная в этом снежном поле.

А за деревней черною, вдали,
Была видна изрытая дорога.
Мы никогда по ней еще не шли,
Но ждать осталось, видимо, немного.

Потом видны нам стали города,
Блеск фонарей, и женщины, и дети.
Морозной ночью белой тогда
Все было видно лучше, чем при свете.

Я, в тех полях ночуя, не зачах.
Мне был тот снег январский мягче ваты...
...Я знать не знал о северных ночах —
О белых, что слегка зеленоваты.

ЭВАКУАЦИЯ

При эвакуации в 1941 году
населения из Москвы были ис-
пользованы и вагоны метро.

Я вновь молчание нарушу,
Чтоб рассказать про те года:
Как вышли нехотя наружу
Сияющие поезда.

Из потрясенных подземелий,
Где эхо катится вдогон,
В мир листопадов и метелей,
Вверх за вагоном полз вагон.

Им открывался мир жестоко —
Не на мгновение с моста.
Шел поезд в сторону востока,
Сквозь незнакомые места.

Уже холеного металла
Суставы судорогой свело.
Уже морозцем обметало
Окон широкое стекло.

А люди, что в дороге были,
Сидели тихие вдоль стен,
Не веря, что уже в Сибири
Московский метрополитен.

Вставляли реки в грозной яви,
Тайги пугающий наряд.
А все казалось, что объявят:
«Дзержинская»... «Охотный ряд»...

НОЧНОЕ

За рекою мальчишки в ночном.
Так они нам дороги порою,
Будто жизнь мы заново начнем,
Если увлечемся их игрою.

Там, в лугах темнеющих, — уют.
Костерок мигает, затухая.
Монотонно лошади жуют,
О своем, несбыточном вздыхая.

Тянутся туманы от воды.
Но, гореньем собственным согреты,
Всё глядят на drobный свет звезды
Будущие тонкие поэты.

Будущие чутко спят в стогу
Генералы или лейтенанты.
И пасутся тихо на лугу
Буцефалы их и Росинанты.

1963

ДНЕВНОЙ СОН

Бывает, днем, не по часам,
Заснешь случайно в кои веки,
И сколько спал — не знаешь сам,
Когда потом поднимешь веки.

Мешается со светом дня
Искусственное освещение,
И это путает меня,
Как будто времени смещение.

Жизнь преломилась в сне дневном.
Душа смутилась, загорелась:
Послушай, что там за окном —
Там юность наша или зрелость?..

Покуда в тающем дыму
Одно мгновенье пролетает,
Открыл глаза — и не пойму,
Смеркается или светает.

1963

К О Н Е Ц Л Ю Б В И

...И чем друг другу не потрафили?
Прощаясь, глазом не моргнули.
Они друг другу фотографии,
Теперь ненужные, вернули.

Она ему подарки прежние —
Колечко с брошкой — возвратила.
А он — ее записки нежные,
Давно утрачена их сила.

Вот так в минуты расставания
Они в пустынных гулких стенах
Те давние завоевания
Меняли, как военнопленных.

1963

* * *

Я спал на свежем клевере, в телеге,
И ночью вдруг почувствовал во сне,
Как будто я стремлюсь куда-то в беге,
Но тяжесть наполняет ноги мне.

Я, пробудившись резко и тревожно,
Увидел рядом крупного коня,
Который подошел и осторожно
Выдергивал траву из-под меня.

Над ним стояло звездное пыланье,
Цветущие небесные сады —
Так близко, что, наверно, при желанье
Я мог бы дотянуться до звезды.

Там шевелились яркие спирали,
Там совершали спутники витки.
А с добрых мягких губ его свисали
Растрепанные мелкие цветки.

1964

* * *

Заметно выцвел небосвод,
Заметней осени картины.
На юге — облачко плывет,
У нас в России — паутины.

А тени чуть наискосок
Легли расплывчаты, нерезки.
На юге — ярко желт песок,
У нас в России — перелески.

А в воздухе беззвучный звон,
Столбы рассеянного света.
На юге — бархатный сезон,
У нас в России — бабье лето.

1964

ЧТОБ МОЛОДЫЕ ПОМНИЛИ ВСЕГДА

Чтоб молодые помнили всегда,
На камне б эту истину я высек:
Поэт (как математик или физик)
Себя находит в ранние года.

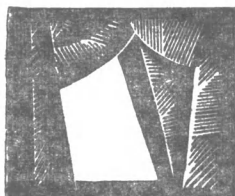
Потом он может на своем пути
И умирать и возрождаться снова,
Но первое сияющее слово
Он должен молодым произнести.

Всегда так было. Будет только так.
Талант в своей немыслимой отваге
Идет вперед по белизне бумаги
В одну из многочисленных атак.

Строку выводит дерзкая рука,
Казалось, неумелого поэта,
А позже выясняется, что это
И есть его заветная строка.

Но если четверть века позади,
А ты еще не звонок и не ярок,
Еще не приготовил свой подарок,—
То от тебя подарка и не жди.

1964

* * *

В поэзии — пора эстрады,
Ее ликующий парад.
Вы, может, этому и рады,
Я вовсе этому не рад.

Мне этот жанр неинтересен,
Он словно мальчик для услуг.
Как тексты пишутся для песен,
Так тексты есть для чтения вслух.

Поэт для вящего эффекта
Молчит с минуту (зал притих),
И вроде беглого конспекта
Звучит эстрадный рыхлый стих.

Здесь незначительная доза
Самой поэзии нужна.
Но важен голос, жест и поза
Определенная важна.

1964

КОЛОКОЛЬЧИК

...Но что это? Безумство? Донкихотство?
Мчит вихрем Пущин к Пушкину сейчас.
(Фамилий их таинственное сходство
Недаром в детстве радовало нас.)

Метет поземка средь полей унылых,
Свистит, снежком затягивает путь.
А между тем никто уже не в силах
Широкий бег саней перечеркнуть.

Трезвонит колокольчик и тревожит,
То глохнет, то выказывает прыть.
А между тем ничто уже не может
Его негромкий голос заглушить.

И как это прекрасно в самом деле,
Что скачет друг, что ждет его другой,
Что сквозь поля, столетья и метели
Трепещет колокольчик под дугой!

1964

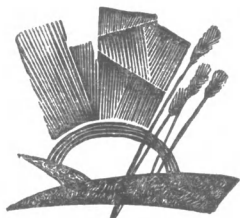
ВОСПОМИНАНИЯ

По-разному живут воспоминанья:
Одни выходят строем из леска,
И заполняют медленно сознанье
Их оккупационные войска.

Другие — безыскусственность какая! —
Как журавли усталые весной,
Курлыканьем щемящим окликаая,
Проходят ранней ранью надо мной.

А третьи — сквозь жару и сквозь заносы
Давно прошли, у них характер крут.
Они во мне сидят прочней занозы,
Они — я сам, они со мной умрут.

1964

Р О Д И Н А

Как же ты необъятна!
С первых моих слогов
Белые твои пятна
Блещут белей снегов.

Катится, нарастая,
Долгий, как сон, гудок.
Жизнь без конца и края,
Ну, и еще годок.

Ветром раздуло шторы...
Если б хватило сил,
Все бы твои просторы
Трижды исколесил.

А подойду с годами
К скрытому рубежу,
Стынущими губами
Так я тебе скажу:

— Ноги мои устали
Идти сквозь твои поля.
Руки мои устали
Тебя обнимать, земля.

Устало воображенье
Во льдах и в горах бродить.
И лишь не устало сердце
Тебя до конца любить.

1964

* * *

Палящие ветры несны,
И, ввысь улетаю стрелой,
Стоят раскаленные сосны,
Расплавленной пахнут смолой.

И с ними же вровень взлетая,
Как будто в термометрах ртуть,
Их соков природа литая
Свершает невидимый путь.

Июльского неба пустыня
Вся выжжена до белизны.
Вибрируя чуть и пружиня,
Звенит позвоночник сосны.

Прекрасного дерева корпус,
Сужаясь, летит в вышину,—
Как будто проводится конкурс
На лучшую в мире сосну.

...Я сделался нынче серьезен,
Отбросил совсем суету.
Живя у подножия сосен,
Нельзя не смотреть в высоту.

И зря сокрушаться не надо,
Что рядом иные места,
Что в лиственных рощах прохлада,
А в спелых борах духота.

1965

* * *

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями
В краю, где роши и холмы,
Совсем умрете только с нами,—
Но ведь тогда умрем и мы.

1965

ДАЛЕКИЙ СВЕТ

Окоп отрыли у развилки,
На бугорочке некрутом,
С горючей жидкостью бутылки
Сложили в нишу, и потом,

Тот фронт изодранный латая,
Установили ПТР —
Ефрейтор кадровый с Алтая
И подмосковный ИТР.

Их руки отдыха просили,
Их ноги верстами свело.
А небо звездное России
Горело ясно и светло.

Был небосвод полночный ярок,
Дышал над ними звездный мост.
И огоньки их двух сигарок —
Как бы следы двух давних звезд.

И как-то даже нереально
Над краем замершей земли
Непоправимо и печально
Дрожало зарево вдали.

И надвигался ровный рокот,
Неотвратимо, все слышней.
То шел на них германский робот
Спокойной поступью своей.

За фронт, за тыл, за все в ответе,
Неравный принимали бой,
Там, у развилки, на рассвете,
Прикрыв грядущее собой.

Прикрыть досталось двум солдатам
У края жизней их самих
Не все грядущее — куда там! —
А в том грядущем только миг.

Какой? Отмеченный печатью
Дождя иль солнцем залитой?
С твоею радостью, печалью,
С твоей, быть может, суетой?

Но полны праведною мезтью,
Так и стоят они в веках,
Буылки те с горячей смесью
Сжимаю намертво в руках.

А на развилке, у березок,
Играют дети в дальний миг —
Их слабый отсвет, отголосок,
Воспоминание о них.

1965

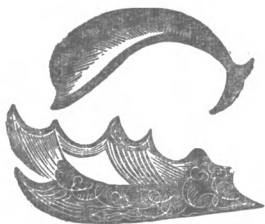
* * *

Неверно, будто жизнь всего одна.
Сказать такое — стать лжецом невольным.
Я был мальчишкой с мячом футбольным,
Солдатом стал, когда пришла война.

Естественно, была меж нами связь,
Но в новой жизни, озарен пургой,
Я был другим и жизнью жил другою,
Уже и дальше новым становясь.

И стал поэтом я в своей стране.
Еще какую выкажет причуду
Судьба? И кем еще я в жизни буду,
В той новой жизни, неизвестной мне?..

1965

ДЕЛЬФИНЫ

Один из самых сладостных даров,
Который люди ждут от жизни этой,—
Явление из неведомых миров
Иных существ рокошущей ракетой.

Свиданье средь лугов, накоротке,
Меж нами только зыбкая граница,
И на каком-то среднем языке
Безумное желанье объясниться.

Но тишина стоит со всех сторон,
И никаких отсюда проявлений.
А мы? Лишь ближний космос покорен,
А дальний — для грядущих поколений.

И вдруг! — как откровенье и порыв,
Как знак и как сигнал об океане,
Дельфины, нашу душу покорив,
Явились, как морские марсиане.

Явились в наше сердце и жилье.
О, как мы рано во всезнайки метим!
Прости мне, брат, невежество мое,
Мою жестокость, связанную с этим.

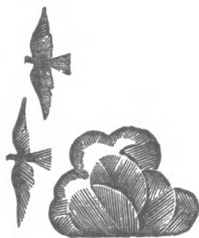
Открытый нами заново дельфин!
А прочие, что все еще безвестны?
Из голубого космоса глубин,
Из круто уплотняющейся бездны.

Я здесь, признаться, вовсе ни при чем,
Но почему-то сердце бьется гордо,
Когда всплывает за моим плечом
Его доброжелательная морда.

Ко мне он обращается, трубя,
Прислушиваясь, жадно ждет ответа.
Как важно, чтобы поняли тебя!
Кому-кому, а мне знакомо это.

Мне без него уже не обойтись.
Подзвездны и подводные палаты...
Скорей на рыб похожи, чем на птиц,
Летательные наши аппараты.

1965

* * *

Пустил летать по белу свету
Иль загубил ты соловья —
Возможно, что страницу эту
Не знают даже сыновья.

Легли такие расстоянья,
И миновало столько лет!..
Но каждое твое деянье
В тебе же оставляет след.

1966

МАТТИОЛА

Клубясь, туман вставал из дола,
И после тягостного дня
Раскрывшаяся маттиола
Как бы окликнула меня.

Казалась бледною царевной,
Что вдруг опомнилась от сна
И дышит свежестью целебной
У растворенного окна.

Цвела во мраке маттиола,
И запах был ее острей,
Чем слабый проблеск метеора
Над беспредельностью полей.

Ночной цветок в глухой истоме
Свободно тек во все края.
Он был как свет в далеком доме
Или как голос соловья.

Он выходил в ночную смену,
Под звездами, в густой росе.
Он в темноте вступал на сцену,
Но замечали это все.

1966

* * *

Солнце тьму ночную доконало,
И по лону засверкавших вод
Выходил из Беломорканала
Наш высокий белый пароход.

И ребята, что спешили к школе,
Вдруг остановились над водой,
И мальчишка крикнул: — Далеко ли? —
Помню ломкий голос молодой.

Знают, несчастливая примета
Спрашивать у путников: «Куда?..»
«Да-ле-ко ли?» — словно знак привета
К нам доносит ранняя вода.

Я опять в дороге, и доколе
Буду плыть по северной волне,
Этот чистый голос: «Да-ле-ко-о ли?..» —
Будет петь бубенчиком во мне.

1966

С М О Л А

В час, когда, одурев от жары,
Разомлевшие птицы стихают,
Миновав лабиринты коры,
Капли желтые вязко стекают.

Ах, когда-то бежал по стволу
Немудрящий такой муравьишка
И попал ненароком в смолу,
Как в асфальт незастывший — мальчишка.

В прибалтийских песках янтари
После шторма, под солнцем осенним,
И один с муравьишкой внутри,—
Мы такие особенно ценим.

А на пнях, что ровнее стола,
Будто кем-то рассыпаны бусы.
Закипает на срубах смола
И горит с потолочного бруса.

Я заметил, что запах смолы
Всякий раз меня снова тревожит,
И становятся мысли смелы,
И душа моя многое может.

Канифолью натерты в свой срок,
В разных залах, но в целях единых —
И пленительной скрипки смычок,
И подошвы боксерских ботинок.

1966

* * *

Стоит за окном полусевер
И свет свой рассеянный льет.
Уж осень. Холмы полысели.
Гусей ожидается лёт.

На Псковщине, под Ленинградом,
Проходим глаза не слепя,
Природа задумчивым взглядом
Как будто бы смотрит в себя.

Над светлой водою Шелони
Подлеска сквозит полоса,
За ним, во втором эшелоне,
Стоят вековые леса.

Как, право, природа спокойна
В работе, в заботе своей,
Как все принимает достойно,
С чем выпадет встретиться ей.

Чужда инфантильность природе,
Природе чужда суета.
И в дождь, и при ясной погоде
Серьезность кругом разлита.

1966

* * *

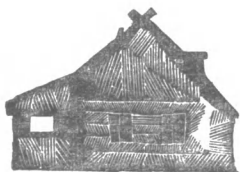
Белеет доска подоконника,
Квадратно чернеет окно.
Дождь звякает тоненько-тоненько,
Шуршит, зарядивший давно.

Порой о карниз ударяется,
Тогда на минуту одну,
Едва шелестя, отдаляется
И вновь подступает к окну.

Не знаю, какими законами
Душа управляется в нас,
Но дождиками законными
Она будет бредить не раз.

Пока еще не было случая,
Чтоб, глядя в осеннюю тьму
И это шуршание слушая,
Я был равнодушен к нему.

1966

* * *

Зачем, искушая судьбу,
Отбившись от строя,
Ввалился я в эту избу
Давнишней порою!

Лик божий смотрел из угла
На мелочи быта.
А старая крыша была
Снарядом пробита.

И внутрь сквозь неровный пролом,
Провал от снаряда,
Вливался под острым углом
Поток снегопада.

Он рушился вниз тяжело
На печь и полаты,
И целый сугроб намело
Уже у кровати.

Теплом отходящим дыша,
По краю пролома,
Светясь и тихонько шурша,
Свисала солома.

И явственно, словно во сне,
Но столь же нелепо,
Белело в дневной вышине
Холодное небо.

1966

* * *

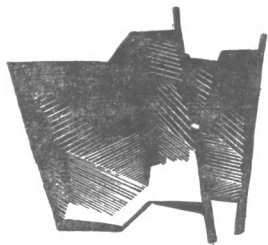
Важно быть участником событий!
Именно из этого потом
Возникают молнии открытий,
Дерзкий стих и достоверный том.

Пусть художник тот, для всех безвестный,
Для себя, конечно, в том числе,
Сам пройдет по снежной и железной,
Круто перемешанной земле.

Может он считать себя счастливым,
Если задыхался он в дыму,
Если глина, поднятая взрывом,
Сыпалась за шиворот ему.

Важно быть участником события!
А потом, в какой-то новый час,
Тайна вдохновенья и наитья
Низойдет при случае на нас.

1966

ПАМЯТНИК

«Ур-а-а-а!..» — над цепью поредевших рот.
С меня тотчас же сорвало пилотку.
Тяжелым ветром залепило рот,
Мой слабый крик обратно вбило в глотку.

Но по земле, от дыма голубой,
Пока мы жить еще не перестали,
Бегу я с непокрытой головой,
Не ведая об этом пьедестале.

1966

Затянулась давнишняя рана,
Стала бледным и тонким рубцом.
Но навеки осталась поляна,
Где ты встал под свинцом.

Стекла новые вставили в рамы,
И повсюду зажгли уже свет.
Но безжалостны в памяти шрамы,
И болит этот след.

Так болит, как не думал ты сроду.
И не сделать уже ничего.
И причем — на любую погоду,
Ни с того ни с сего.

1966

Ну что тебе гражданская война!
Отечественной, что ли, не хватило?
Но почему-то сызнова она
Кавалерийской лавой накатила.

Горит, саднящей боли не тая,
Как тот осколок, что хирург не вынет.
А ведь у нас война была своя,
И мы в свой срок прошли ее навывлет.

Но *та* война не пущена на слом.
Есть у Петрова-Водкина картина,
Где трое за некрашеным столом,
И тягостна молчанья их причина.

В солдатском котелке отражены
Дня прожитого гаснущие блики.
А лица всех троих отрешены,
Заведомо похожие на лики.

Рот каждого печалью горькой сжат,
Задумчивы глаза, как на иконе.
А позади товарищи лежат
Или стоят на странном синем фоне.

Товарищи, погибшие в бою,
Которых прибрала земля сырая,
Невольно продолжают жизнь свою,
Лишь то, что прежде было, повторяя.

Наверно, так ведется испокон,—
Жестокий бой над балкою степною.
А главное, что этот синий фон
Уже навек за нашей спиною,
Как *та* война за нашей войною.

1966

* * *

За дорогой — леса.
Так пронзительно рано!
И крепка полоса
Лугового тумана.

И, свернув возле пней,
Миновав мелколесье,
Тонет женщина в ней,
В этой плотной завесе.

Средь повисшей волны
Словно спрятаться хочет.
Только ноги видны
Да цветастый платочек.

Так под смелым углом
Входит в облако птица,
Сквозь разрывы крылом
Продолжая светиться.

...Мне навек суждена,
Душу всю занимая,
Как судьба, как жена,
Эта даль зоревая.

Молча песни слагать,
С виду вовсе простые.
Ранней ранью шагать
По росе, по России...

1966

С Д Е Р Ж А Н Н О С Т Ь

Ничуть не упрекаю вас,
Тех, что посередине улицы,
Шутя, с девчонками целуются,
Как это принято сейчас.

Нам тоже в городском саду
Любовь скамеечку поставила,
Но не было такого правила,
Чтоб целоваться на виду.

И футболист, забивший гол,
В ту пору не имел понятия
О поздравленьях и объятиях,
А хладнокровно к центру шел.

На все смотрели мы всерьез,
От нас доверчивостью веяло.
И коль Москва слезам не верила,
Мы не показывали слез.

Как сердцу были вы милы,
Учителя мои суровые!
Как звали на свершенья новые
Скупые ваши похвалы!

1966

СОПЕРНИК

Мой соперник был худ и сутул,
Раздражал меня также походкою.
Я сапог свой поставил на стул
И протер его желтой бархоткою.

Посмотрел в законную тьму,
Где снежок загорался под фарами,
И обоим — и ей и ему —
Предложил прогуляться бульварами.

Он ответил: — Ступайте вдвоем,
Я здесь что-нибудь лучше поделаю... —
И она мне кивнула: — Пойдем! —
И мы вышли на улицу белую.

Я по городу с ней проходил,
Не сумев оценить положение:
Я решил, что уже победил...
Я уже потерпел поражение.

1966

* * *

Мы помним факты и события,
С чем в жизни сталкивало нас,
В них есть и поздние открытия,
Что нам являются подчас.

Но вдруг мы видим день весенний,
Мы слышим смех, мы ловим взгляд...
Воспоминанья *ощущений!*
Они нам душу бережат.

И заставляют сердце падать
Или взмывать под небеса,
И сохраняет их не память,
А руки, губы и глаза.

1966

* * *

Как часто все-таки талант
Бывает замкнут узкой сферой,
Но в то, что он везде гигант,
Проникнут все ж наивной верой.

Нет, не рассеян, не смешон,
Не просто в жизни непрактичен,—
Чего-то начисто лишен
И беспощадно ограничен.

Талант и ум — из разных групп.
Высокий гений, четкий логик
Бывает в жизни даже глуп
И жалко морщит важный лобик.

1966

* * *

Наша память устроена странно:
Изощренный ее аппарат
Нам картины далекого плана
Повторит не совсем в аккурат.

То, что видел я раннею ранью
И забыл по прошествии лет,
Загорается новою гранью,
Ибо сдвинулись тени и свет.

Но и то, что не в силах забыть я,
По-иному выходит из тьмы.
Не меняются сами события,
Но жестоко меняемся мы.

1967

* * *

Встречается порою человек
И вашу душу странно освещает,
Как та звезда, что, совершая бег,
Вам свет дает, но вас не замечает.

От одного присутствия его
Встает мечта неясная о счастье.
Но он прошел, не ведая того,
Что жизнь его и вам близка отчасти.

Так капитан, отняв бинокль от глаз,
Когда прощально гавань отзвучала,
Не думает о том, что битый час
Волной вздымает лодки у причала.

Так, направляя точный свой полет
В лучах светил, расставленных, как вехи,
О том совсем не думает пилот,
Что в вашем телевизоре помехи.

1967

* * *

За платформой на церквушке фреска.
Пахнет дымом, в горле чуть першит.
Машинист толкнет вагоны резко,
И состав, как судорогой, прошит.

Но потом он трогает плавнее,
И вагоны красные текут,
На ходу сливаясь все плотнее,
Порождая монотонный гуд.

Путь стальной меж соснами мерцает.
А кондуктор в холод, дождь и зной
Мир, назад бегущий, созерцает
Со своей площадки тормозной.

Человека пристального взгляда,
Жизнь, на ту площадку посади.
При движенье быстром видеть надо
То, что остается позади.

Поезда журчат за дальней чашей,
И кондуктор не отводит взгляд
От знакомой жизни, уходящей,
Как ей полагается, назад.

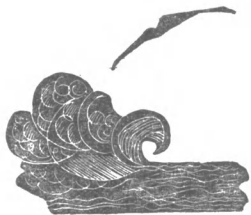
1967

* * *

Право, это вовсе ничего —
Вы, конечно, знаете и сами, —
Просто ни с того и ни с сего
Вдруг глаза наполнятся слезами.

Молча смотрит девочка вокруг
На дома, на тихие березы,
На далекий лес, на близкий луг
Сквозь увеличительные слезы.

1967

М О Р Е

Спит вода, неподвижно-стеклянна,
Как за тонкою стенкой стакана.

Но, как местность во время похода,
Изменяется быстро погода.

Бьет волна, нас с тобой оглушая,
Всю окрестность пальбой оглашая.

Рвется выпел над кончиком шпиля.
Но ведь шторм лишь развитие штиля.

Пусть ревут и молчат они, споря,—
Это жизнь того самого моря.

Так рождаются формы и стили,
Чередуясь, как штормы и штили.

1967

* * *

Зимы холодная держава
Почти весь день меня держала,
Картину выставив одну
И притянув меня к окну.

Я был сначала занят делом,
Но сквозь оконное стекло
Случайно черное на белом
Мое вниманье привлекло.

В тот день забывшие о ветре,
Застыли, переплетены,
В саду чернеющие ветви
Среди январской белизны.

Совсем не то, что ангел с чертом,—
Вражды здесь не было давно,
А белое здесь было с черным
Прекрасно соединено.

Как вязью писанная книга
Или как чернь по серебру —
Спокойно дожидались мига,
Пока я мысли соберу.

1967

ЖУРАВЛИ

Журавли распрощаются с лугом,
С обветшалой осенней травой,
Как стрела утонченная — с луком,
С напряженной его тетивой.

Под косым косяком журавлиным
Дым костра, озерцо, буерак.
Кличут их построение клином,
Право, это скорей бумеранг.

Мощно послан искусной рукою
Сквозь скопления ливней и व्यюг,
Чтобы сызнова ранней весной
Опуститься на этот же луг.

Вот и мы среди мрака ночного,
Не смыкая в бессоннице глаз,
Возвращаемся снова и снова
К мысли, чем-нибудь мучащей нас.

1967

ТРОПИНКА

Пусть пешеходы одиноки,
Пускай одежда их в пыли,
Но это их босые ноги
Тропинку в поле провели.

А в чем, спроси, ее удача?
Деталей лишних лишена!
Довольно сложная задача,
А безупречно решена.

Достойно, соблюдая меру,
Стремит движение свое.
Непросто было б инженеру
Так спроектировать ее.

Под тенью наклоненной ивы,
Вдоль обнажившихся пород —
Логичны все ее извивы,
Оправдан каждый поворот.

1967

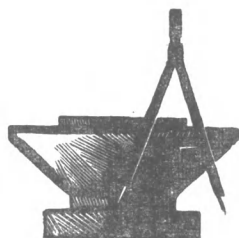
* * *

Утеряны в жизни тобой
Письмо или книга,
Дымок за лесною тропой,
Блеск давнего мига.

Наткнешься случайно совсем
Рассеянным взглядом
На что-то, с утраченным тем
Лежавшее рядом.

А ты и не думал уже,
Иного желая,
Что вдруг отзовется в душе
Потеря бывшая.

1967

* * *

У наковален и у готовален,
Хотя б раз в жизни и хотя б на миг,
Любой из нас бывает гениален,
Как если бы в суть жизни он проник.

Такое обжигает озаренье,
И до таких возносимся вершин,
Что все предметы видно в отдаленье
И что иными судьбами вершим.

Чужда мне репутация провидца,
Не тшусь войти в созвездье мудрецов,—
Мне б только к самому себе пробиться,
Достичь своих же лучших образцов.

1967

ОДУВАНЧИКИ

Одуванчики, одуванчики,
Одуванчики возле ног.
Сидят девочки на диванчике,
И плетут они свой венок.

Желтый цвет, он таит неверное,
Им сегодня весь луг облит.
А сосед их уже, наверное,
Он острижен или обрит.

Всех, от Петечки и до Ванечки,
Ждет районный военкомат.
Все вы, мальчики, одуванчики,
Ваши волосы облетят.

Прошагают зеленой травкою
Ваши пыльные сапоги.
Ты, дружок, перед отправкою
На минуточку забеги.

1968

ВЕЧЕРИНКА

На запоздалой вечеринке,
Куда немалый вложен труд,
Звучат пластинки по старинке
И мальчики небрежно пьют.

Коль в духоте им станет дурно,
Они выходят на крыльцо,
Где вокруг Луны, как вокруг Сатурна,
Горит отчетливо кольцо.

И в жуткой прелести нетленной
Горят рассыпанным огнем
Колодцы черные Вселенной,
Что опрокинуты вверх дном

Девчонки ждут за стенкой, рядом.
Январской ночи нет конца.
Разгоряченные ребята
Стоят и курят у крыльца.

Они немного захмелели.
Их не спешите осудить.
Еще морозы и метели
Им лбы успеют остудить.

1968

В ЛОДКЕ

Навалился на весла
И пошел. А она
Смотрит сдержанно, взросло,—
Все еще холодна.

И уже посередке
Встрепенулась: беда!
Под решеткою лодки
Проступает вода.

Не пугайся напрасно,
Не кругли своих глаз.
Это так же не страшно,
Как и ссоры у вас.

Это малая малость
Той воды наливной,—
Чтобы не рассыхалась
Лодка новая в зной.

Чтобы лучше и легче
Летом лодку сберечь.
Это средство от течи,
А не самая течь.

Это вроде прививки
От болезни самой...
А размолвок обрывки
Далеко за кормой.

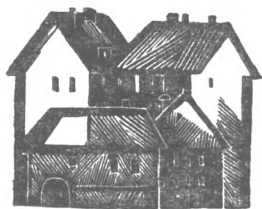
1968

* * *

Монотонность колесного гуда.
Мы глядим на мелькающий лес
И порою, как будто оттуда,
Видим свой проходящий экспресс.

В мире осень стоит золотая.
Машут дети, скрываясь из глаз,
И грохочет состав, пролетая
Мимо них и чуть-чуть мимо нас.

1968

* * *

Эти крыши на закате,
Эти окна, как в огне,
Самой резкою печатью
Отпечатаны во мне.

Этот город под горою,
Вечереющий вдали,
Словно тонкою иглою
Прямо в кровь мою ввели.

1968

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремящей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.

Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.

Стоял он в летящем вагоне,
Судьбу принимая свою,
И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.

В разбитом очнувшемся мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.

Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проемом дверей.
И яростно нес его поезд
В пространство — скорей и скорей!

Пред странами всеми, чтоплыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы —

Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.

1969

ПОЛЕННИЦА

Хозяин не ленится,
В характере этого нет.
За домом пленница
Уложена, словно паркет.

Ведь что примечательно:
Работа всего на сезон
Так сделана тщательно,
Что вроде ломать не резон.

Полешки подобраны,
Как в некий отточенный слог,
Друг к другу подогнаны,
Как будто на длительный срок.

Как будто неведомо,
Что с ними случится зимой...
Научишься этому —
И мастером станешь, друг мой.

1969

МЕДВЕДЬ

Прошел косолапо
Под низкий еловый шатер.
Он в сказках растяпа,
Он в жизни силен и хитер.

Он хищник породой,
Хозяин обширнейших мест.
Однако с охотой
Личинок и ягоду ест.

Мед любит до стона,
Его он всему предпочел.
Могучий сластена,
В душе презирающий пчел.

А склоны пологи.
Снежку подсыпает опять.
Он в темной берлоге,
Великий любитель поспать.

Плати чистоганом
За то, чтоб увидеть весной,
Как рядом с цыганом
Он топчется в пляске смешной

Пред всей деревушкой,
А в цирке — боксер и жокей,
На роликах, с клюшкой,
Под хохот играет в хоккей.

Не нужно быть богом,
Чего-то добиться дабы.
Обходится боком
Умение вставать на дыбы.

1969

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Как будто бы чьих-то грехов искупление —
Порою нисходит на нас ослепление.

Не видит садовник раскрывшейся розы,
А шахматный гений простейшей угрозы.

Не видит грибник, что в грибах вся поляна,
Беспечное сердце не видит обмана.

Не видит охотник когтей отпечатки,
А старый наборщик смешной опечатки.

И страшно, когда, вдруг очнувшись за чаем,
Мы слезы в любимых глазах замечаем.

1969

* * *

Вам более к лицу
Соизмерять усилия.
Пожалуйста, птенцу
Не повредите крылья.

Вот карандаш скрипит,
Летя неудержимо,—
Ломается графит
От легкого нажима.

Беря в свою судьбу
Всю правду, без утайки,
Страшись сорвать резьбу,
Затягивая гайки.

Все милое для нас
Под этим мирным кровом
Разрушить можно враз
Неосторожным словом.

1969

* * *

На рассвете его расстреляли.
Над землей начиналась весна.
Досмотреть ему даже не дали
Неожиданно сладкого сна.

Недовольные два полица
Дверь открыли и глянули вкось,
За одно уже то порицая,
Что так рано вставать им пришлось.

Во дворе мокрым ветром подуло.
Встал к стене, словно в пламя костра.
Увидал эти круглые дула
И успел еще крикнуть: — Да здра!.. —

И спиною поехал по стенке
В тот никем не рассказанный путь,—
Будто палкой ему под коленки,
А не черными пулями в грудь.

Ярко вспыхнув, потухло сознание.
Тьма — и больше уже ничего.
Лишь далекое воспоминание
Трепетало над телом его.

1969

* * *

Артист, выходя на сцену,
Живя на глазах у всех,
Жестокую платит цену
За призрачный свой успех.

На каждое восхождение
Потрачено столько сил!
И даже на наслаждение,
Которое ты вкусил.

За землю, за хлеб и воду,
За старый отцовский кров,
За счастье и за свободу
Обильно пролита кровь.

Ничто не дается даром —
Ни молодость, ни строка.
Победа одним ударом,
По совести, так редка.

Суτούлимся в муках роста,
Под грузом спина хрустит.
...Ах, все, что далось вам просто,
Пушай вас не обольстит.

1969

* * *

С облитых луной дорожек
В шуршащие грядки, вбок,
Вдруг скатывается ежик,
Похожий на колобок.

Подсвечены мягким светом
Аквариумы веранд.
Приехал я поздним летом —
Не дачник, не квартирант.

Я чувствовал в полной мере,
В тот вечер постель стеля,
Что только откроешь двери,
И вот уж она — земля.

Шла полночь, покоем полня,
И я забывался сном,
Всем телом счастливо помня,
Что родина за окном.

1970

* * *

Где в лугах туман к низинам ластится,
За почти невидимой межой,
Пред войною звонко одноклассница
Пела: «...Если раны — небольшой».

А позднее, лишь простясь со школою
И вступая в первые бои,
Если уж раненья — то тяжелые
Получали сверстники мои.

Все пришло — и навык, и умение,
Но худые юные тела
Не годны для легкого ранения,
Где бы кость задета не была.

1971

МОНОЛОГ

Жить не могу, забыв о том, что было,
Что сквозь года глядит на нас в упор,
Что было прежде дорого и мило
И душу обжигает до сих пор.

Жить не могу без ласкового слова,
Без доброй и внимательной руки,
Что в трудный час утешить нас готова
Всем бурям и невзгодам вопреки.

Жить не могу без этого простого,
Сжимающего многие сердца,
Великого щемящего простора,
Которому ни края, ни конца.

Я жизнь люблю, и кто меня осудит,
Что посреди сияющего дня
Жить не могу безо всего, что будет,
Когда не будет даже и меня.

1971

* * *

Золотые огни городские,
Нет, не вас я с собою возьму.
Слишком часто я в ночи глухие
Выходил из вагона во тьму.

И когда я взбегал на пригорок,
То средь голых полей, одинок,
Слишком был мне приятен и дорог
Отдаленный ночной огонек.

1972

Л Е С

Этот лес у меня на примете,
Где за тусклой полоской села
Возвышаются сосны из меди,
И от жара стреляет смола.

Где крепки, будто кованы в горне,—
Ты и сам спотыкался о них,—
Выпирают сосновые корни —
Эти ребра тропинок лесных.

Я стою возле края дороги,
Только-только с автобуса слез.
Так и хочется вытереть ноги
Перед тем, как входить в этот лес.

1972

* * *

Есть в картинных галереях
Старых волжских городов
Некий свет, что душу греет
И приветить нас готов.

Входят в пестрые собрания
Сила кисти и резца
И безмерные старанья,
Собирателей сердца.

Может, мы чуть-чуть неловки,
Но пронзишься счастьем весь,
Что висит не в Третьяковке
Этот подлинник, а здесь.

А за прочною стеною
Осень на ногу легка.
Ширью тронуты степною
Город, ветви и река.

И куда смотреть — не знаю:
На иное полотно
Иль на эту даль без краю,
За промытое окно.

1972

* * *

От сомнений вдалеке,
Медленны и важны,
В прибалтийском городке
Бьют часы на башне.

Чтобы, ночью пробудясь,
С остротой мгновенной
Вы почувствовали связь
С остальной Вселенной.

Будто в синий рельс болтом
Среди сна ночного:
Звук тревожащий, потом —
Пауза, и снова.

И отчетливо слышны
С отголоском боли
Среди мягкой тишины
Временные доли.

1973

* * *

Отзвучали рельсы эти,
Смолкла колея.
И хотя не раз на свете
Ошибался я,

Запах сена или теса
Сразу отличал.
Детям, машущим с откоса,
Тем же отвечал.

1973

* * *

Осинка возле стога.
За речкою — дымок.
Нельзя же так жестоко,
Чтоб в горле встал комок.

Хоть проявите жалость,
Деревья и кусты.
А то ведь сердце сжалось
От вашей красоты.

1973

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчишка	3	Свидание	32
«Я прошел от самого вок- зала...»	5	На танцах	33
«Земли потрескавшейся кор- ка...»	6	Соловиный коридор	34
Младший брат	7	«Есть сладкая радость...»	35
Зимние сумерки	9	Первая любовь	36
Перед грозой	10	Весенняя природа	37
Ранний час	—	Новые дороги	—
«К чему копить ничтожные обиды...»	11	Закат	38
«Едва вернулся я домой...»	—	«Ниспровергают незаслу- женно...»	39
«Жили рядом и вместе учи- лись...»	12	Боксер	40
Потомку	13	«Было что-то и общее в на- шей судьбе...»	—
Немое кино	14	«Трус притворился храбрым на войне...»	41
«Я был суров, я все сгущал...»	15	Боль	—
«Мой милый друг, вполне могу ручаться...»	—	Отступление	42
«В чужом краю, по выцвет- шей равнине...»	16	«Без разрыва и гула...»	—
«Я в юности с девчонкою гулял...»	17	Окна	43
Букет	18	Прыжок	44
Приезд	—	Маятник	45
Весной	20	«Весенний лес почти про- зрачен...»	46
«Под взглядом многих скорбных глаз...»	—	«Гудок трикратно ухает вдали...»	47
«Я вздрогнул: одноногий паренек...»	21	Северная ночь	48
Надпись на книге	22	«Сиянье белых северных но- чей...»	49
Слезы	24	Эвакуация	50
Рабочий	—	Ночное	51
Огонь	26	Дневной сон	—
Глаза	27	Конец любви	52
Проводы	28	«Я спал на свежем клевере, в телеге...»	53
Впервые	—	«Заметно выцвел небосвод...»	—
У точильного круга	29	Чтоб молодые помнили все- гда	54
Жасмин	30	«В поэзии — пора эстрады...»	55
Кукушка	31	Колокольчик	—
		Воспоминания	56

Родина	57	«За платформой на церквуш-	
«Палящие ветры несносны...»	58	ке фреска...»	75
«А утвержденья эти лживы...»	59	«Право, это вовсе ничего...»	—
Далекий свет	—	Море	76
«Неверно, будто жизнь всего		«Зимы холодная держава...»	—
одна...»	61	Журавли	77
Дельфины	62	Тропинка	78
«Пустил летать по белу све-		«Утеряны в жизни тобой...»	—
ту...»	63	«У наковален и у готовален...»	79
Маттиола	64	Одуванчики	80
«Солнце тьму ночную доко-		Вечеринка	81
нало...»	—	В лодке	—
Смола	65	«Монотонность колесного гу-	
«Стоит за окном полусевер...»	66	да...»	82
«Белеет доска подоконника...»	—	«Эти крыши на закате...» .	83
«Зачем, искушая судьбу...» .	67	Весной сорок пятого	—
«Важно быть участником со-		Поленица	84
бытий!...»	68	Медведь	85
Памятник	69	Ослепление	86
«Затянулась давнишняя ра-		«Вам более к лицу...»	87
на...»	—	«На рассвете его расстреля-	
«Ну, что тебе гражданская		ли...»	—
война!...»	70	«Артист, выходя на сцену...»	88
«За дорогой — леса...»	71	«С облитых луной дорожек...»	89
Сдержанность	—	«Где в лугах туман к низи-	
Соперник	72	нам ластится...»	—
«Мы помним факты и со-		Монолог	90
бытия...»	73	«Золотые огни городские...»	91
«Как часто все-таки талант...»	—	Лес	—
«Наша память устроена		«Есть в картинных гале-	
странно...»	74	реях...»	92
«Встречается порою чело-		«От сомнений вдалеке...» .	—
век...»	—	«Отзвучали рельсы эти...» .	93
		«Осинка возле стога...» . .	94

Для старшего возраста
Константин Яковлевич Ваншенкин
КОЛОКОЛЬЧИК

Ответственный редактор З. С. Карманова. Художественный редактор Л. Д. Би-
рюков. Технический редактор Н. Г. Мохова. Корректор К. И. Каревская. Сдано
в набор 22/X 1973 г. Подписано к печати 30/1 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум.
типogr. № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 3,44. Тираж 50 000 экз.
A03638. Заказ № 1537. Цена 31 коп. Ордена Трудового Красного Знамени из-
дательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушеvский вал, 49.

Цена 31 коп.